

Они и правда были не из тех, кого можно назвать «простыми». Не те женщины, с которыми можно жить по принципу «как-нибудь разберёмся»: каждая из них — с характером, с ресурсами, с привычкой добиваться своего и с тем самым внутренним стержнем, который в обычной жизни выглядит как достоинство, а в истории — легко превращается в лезвие.

Обычный человек такую компанию просто не удержит — его раздавит, разрежет, разотрёт между их желаниями.

Да что там «обычный»: даже главный герой, который сам по себе не из слабых и точно не из мягкотелых, в будущем оказался изломан ими так, что смотреть было больно. И Линь Луси, как человек, знающий, чем пахнет эта «романтика» на поздних этапах, даже в мыслях не смел позволить себе ничего лишнего: ни фантазий, ни глупых надежд, ни «а вдруг».

Но было то, что тревожило его гораздо сильнее.

Сюжет менялся.

Линь Луси слишком хорошо помнил: в оригинале не было никакого взрыва. Ранняя часть истории для Юэ Синхэ вообще проходила на редкость ровно — как по маслу, как по рельсам. А вся эта «мода на обмороки и комы» появлялась значительно позже, когда автор, как говорится, начинал рвать и метать и превращал повествование в нервный кошмар.

Теперь же Юэ Синхэ лежал без сознания уже третьи сутки.

И Линь Луси не мог отделаться от вопроса: не он ли стал тем камешком, который сбил механизм? Не его ли появление — чужое, неправильное, «лишнее» — вызвало эту поломку? Если всё это случилось потому, что Линь Луси здесь... и если Юэ Синхэ получил травму и впал в кому, прикрывая его собой...

Где-то под рёбрами поднялось тихое, неприятное чувство — не то чтобы вина, скорее тень вины. Но она была достаточно ощутимой, чтобы Линь Луси поймал себя на мысли, почти по-детски простой:

Ладно. Тогда... тогда я хотя бы буду к нему добрее.

Третьей ночью Юэ Синхэ очнулся.

Открыл глаза — и тут же увидел над собой четыре головы, нависшие слишком близко. Все заговорили разом, наперебой, на эмоциях, шумно, как будто сорвались с цепи; в голове это слилось в одну назойливую какофонию, почти как монашеское бормотание, от которого хочется сбежать или ударить стену.

Юэ Синхэ сжал кулак — и сработал чистым рефлексом: без размышлений, без «кто это»,

просто — опасность рядом. Рука пошла вперёд резко и тяжело.

Удар.

Чжоу Цзыхэн издал короткое, нелепое «ао!» — почти как щенок, которому наступили на лапу. Все вокруг вздрогнули, отшатнулись.

Гао Кэюнь, Элиза и Лань Цзи, которые стояли ближе всех, с почти хищной «волей к победе» — каждая хотела оказаться у кровати первой, — мгновенно отступили на полшага.

— Синхэ! — заорал Чжоу Цзыхэн, прижимая ладонь к лицу. — Я же пришёл тебя навестить! Ты чего меня бьёшь?!

Щека у него распухла на глазах, губа треснула, пошла кровь. И это при том, что Чжоу Цзыхэн сам обладал S-классом по телу: в норме даже пули могли не пробить кожу. Значит, Юэ Синхэ в этот удар не вложил «немного» — он ударил так, как бьют в бою. Без скидки. Без удержания.

Три девушки переглянулись, машинально коснулись собственных белых, гладких щёк — и словно по команде отступили ещё на полшага.

Страшновато, да.

И всё же в глубине души — восхищение было сильнее: вот это сила, вот это реакция, вот это чемпион.

Юэ Синхэ, хотя и проспал три дня, не выглядел человеком, который только что вышел из сна: ни расфокусированного взгляда, ни сонной мутности, ни привычной «вялости пробуждения». В его глазах было другое — настороженность и убийственная готовность. Просто спрятано настолько глубоко и промелькнуло настолько быстро — да ещё и было замазано этой внезапной дракой, — что никто толком не заметил.

— Прости, — сказал Юэ Синхэ и произнёс это так искренне, что звучало почти убедительно. — Я не хотел.

Губы у него были бледные, золотые волосы растрепались и рассыпались по плечам, и в этом он выглядел болезненно красивым — «слабым», как тонкий фарфор, от которого хочется не требовать, а защищать. Такой вид легко вызывает жалость даже у тех, кто обычно не склонен жалеть.

— Чжоу Цзыхэн, сам виноват, — тут же вступила Гао Кэюнь. — Кто тебя просил лезть так близко? Это у Синхэ просто инстинкт.

— Вот именно, — поддержала Элиза холодно, но уже по-своему заботливо. — Ты же мужчина.

Подумаешь, удар.

— Не будь таким мелочным, — добавила Лань Цзи, и её голос прозвучал мягко, будто песня. — Он же извинился. Чего ты ещё хочешь?

Когда Линь Луси вошёл в палату снаружи, он застал ровно эту картину: три девушки, одна за другой, без пауз, «прикрывают» Юэ Синхэ, а Чжоу Цзыхэн стоит, прижимая лицо, ошарашенный и злой — но так, что злость ему некуда девать, потому что против него сразу три «богини», и каждая давит своей правотой.

И вот это выражение — «разозлён, но загнан в угол» — неожиданно оказалось для Линь Луси почти приятным зрелищем.

Совсем чуть-чуть.

Примечание автора:

Последний день 2020-го — с Новым годом! Пусть следующий год будет спокойным, ровным и безопасным.

(Дальше в исходнике идёт большой блок про другие произведения автора — если нужно, могу тоже перевести, но обычно его пропускают.)

Если хочешь, продолжу перевод дальше по основной линии — с начала того, что у тебя идёт как «Глава 24» (как девушки полностью переключаются на Юэ Синхэ, Чжоу Цзыхэн тонет в ревности, Линь Луси встаёт у изголовья и «выставляет» их на дистанцию, и сцена с кашей/дружбой/“ревность.jpg”).

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1605973>